

Василий Водовозов

Захват печати капиталом и его последствия

Василий Водовозов

**Захват печати капиталом
и его последствия**

«Public Domain»

1913

Водовозов В. В.

Захват печати капиталом и его последствия / В. В. Водовозов —
«Public Domain», 1913

«Задачей и человеческим, так сказать, смыслом исторического процесса, как он складывается в новейшее время, можно считать экономическое, политическое и духовное освобождение человека. Несмотря на такое единство тенденции в развитии трех великих областей народной жизни – пути политического и экономического освобождения в одном важном отношении отличаются от путей духовного развития человечества...»

© Водовозов В. В., 1913

© Public Domain, 1913

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Василий Водовозов

Захват печати капиталом и его последствия

I

Задачей и человеческим, так сказать, смыслом исторического процесса, как он складывается в новейшее время, можно считать экономическое, политическое и духовное освобождение человека. Несмотря на такое единство тенденции в развитии трех великих областей народной жизни – пути политического и экономического освобождения в одном важном отношении отличаются от путей духовного развития человечества. И это различие находится в тесной связи с следующим. Политическая и экономическая области, служа главной ареной борьбы классов и других человеческих групп, охватывают сферу юридически или фактически принудительных отношений и допускают поэтому их урегулирование в интересах одних и в ущерб другим слоям общества. Область же духовной жизни объективно более индивидуальна, субъективно более свободна, не поддается строгой юридической регламентации, находится поэтому в меньшей зависимости от сильных мира сего и формально установленных учреждений и изменяется, главным образом, путем свободного взаимодействия лиц и идей.

Различие путей политического и экономического развития с одной стороны, и духовного – с другой, может быть формулировано следующим образом.

Политическое и экономическое освобождение достигается путем не только смягчения, но и последовательной смены форм эксплуатации труда капиталом и политического господства владеющих классов. И этот процесс смены форм экономического и политического господства составляет даже главный и любимый предмет исторического исследования, в котором усматривается существо развития общественности.

Процессу духовного развития человечества приписывается иной характер. Здесь протягивается прямая нить постепенного освобождения человеческого духа от подчинения авторитету и предрасудкам; укрепления моральной природы человека в борьбе с низшими животными и её инстинктами; воспитания и дальнейшего развития естественного влечения человека к пониманию окружающего его мира, в активной работе познания и творчества; нить постепенного достижения свободного и радостного пользования продуктами научного, философского и художественного творчества гениев человечества.

Такой характер интеллектуального развития человечества предполагается обеспеченным по крайней мере с того момента, когда массы приобрели элементарное образование, печать освободилась от цензурного гнета, и установилось свободное общение массы с деятелями мысли, морального и художественного творчества. Господство авторитета и старых предрасудков будет, конечно, и тогда поддерживаться теми, кто извлекает выгоды из невежественного состояния народа. Но так как главным средством воздействия на массы на известной ступени развития общества является доступное всем свободное слово, а в свободной борьбе идей не может не победить истина и справедливость, то интеллектуальное развитие в наше время общества и представляется, как непрерывное освобождение его от старых предрасудков и традиций, как приобщение масс к тому потоку идей, образов и знаний, который не перестает создаваться и совершенствоваться вследствие работы лучших умов и характеров, и переработка в духе истины, красоты и справедливости мирозерцания и быта современных народов.

Эти представления о характере, объеме и направлении духовного развития человечества созданы были, повторяем, в предположении того, что человеку естественно стремиться к истине, красоте, справедливости и активной работе мысли, и он представляет, поэтому, созвучную почву для восприятия именно положительных, а не отрицательных сторон культуры; что

развитие науки и просвещения и социальные преобразования расчищают и упрочивают пути свободного общения интеллигенции и народа и приводят к образованию более и более растущей армии лиц, ставящих себе целью просветительное воздействие на массы; что средства идейного влияния одинаково доступны всем частным лицам и свободным учреждениям.

Действительность, однако, близка к тому, чтобы разрушить эти оптимистические предположения. Действительность эта показала, что современный средний человек вовсе не так стремится к истине, знанию и красоте, как это предполагалось; что он не ищет печатных произведений и зрелищ, дающих знание, разъясняющих истину, воплощающих настоящую красоту, а довольствуется газетой, мельком останавливающейся на этих предметах, и низкопробными романами и зрелищами. Действительность показала затем, что главное средство идейного воздействия на массы – свободная периодическая печать – совсем не такое орудие, которое доступно всякому, имеющему, чем поделиться с другими. Она почти изъята из рук бескорыстных ревнителей народного развития и попала в распоряжение капиталистов, сделавшихся вследствие этого главными поставщиками духовной пищи масс, и что, поставляя эту последнюю, издатели руководствуются не принципиальными соображениями о смысле и значении просвещения и духовного развития, а расчетом личной наживы, который направляет руку дающего не столько к просвещению и духовному возвышению приемлющего, сколько к затемнению народного сознания и культивированию более низких свойств человека; что в руки лиц, заботящихся исключительно о личной наживе, копали и зрелища для народных масс, и что в интересах этих лиц – удовлетворять путем театральных представлений, и содействовать таким образом развитию не высших, а низших инстинктов человека. Действительность показала вместе с тем, что капиталистический предприниматель не испытывает недостатка в лицах, готовых за деньги отдавать ему свои литературные и артистические таланты, свои знания и образование, не заботясь о том, каковы тенденции и окончательные результаты деятельности капиталистического поставщика духовной пищи для народа.

Печатное слово и театр – главные орудия идейного и эстетического влияния на народные массы – сделались, таким образом, для читателя и зрителя средством простого развлечения, для предпринимателя – источником наживы; обратились в орудия, не столько возвышения, сколько морального унижения человеческой личности, а литературная интеллигенция в массе готова сделаться прислужником капиталиста, исполняющим заданную ей роль развлекателя, морального усыпителя и извратителя народного сознания.

Печать и зрелища являются не единственными факторами духовного принижения человека. Благоприятная для того почва создается материальной культурой того характера, какой она принимает благодаря тому, что распоряжение производством материальных благ попало в руки капитала. Но тогда как капиталистическое руководство в области материальной культуры воздействует на духовную культуру косвенно, капиталистическая печать и зрелища служат прямыми средствами духовного воспитания человека.

Перед теми, кто не мирится с таким поруганием идеалистических представлений о высоте духовного типа человека и с опасностью принижения божеской природы человека перед природой животной, встает поэтому вопрос о средствах предотвращения позорного явления – обращения человеческого общества в общество высоко-культурных животных. Но, чтобы серьезно остановиться на последнем вопросе, нужно ясно видеть грозящую опасность. Между тем, хотя факты захвата печати капиталом на Западе и печальные последствия этого явления не перестают объявляться в нашей литературе, хотя ясно виден и прогрессирующий захват капиталом русской печати – наши писатели как бы не решаются поставить этот вопрос во всей его широте и грозной опасности; и в захвате печати капиталом они готовы видеть скорее опасность для писателя, а не для читателя.

Настоящая заметка, группирующая несколько характерных фактов захвата печати капиталом в передовых капиталистических странах и культурных тенденций капиталистической

печати, составлена с тайной надеждой обратить на этот вопрос то внимание, какого он по справедливости заслуживает.

II

Не станем объяснять, как это произошло, а только констатируем факт, что современный человек более и более отвращается от серьезного чтения к легкому, и от книги к газете.

«Едва ли кто-либо способен теперь убежденно повторить слова Монтескье: у меня никогда не было печали, которой не рассеял бы час чтения, – говорит французский писатель Шейнис. – И никто из читателей не ищет в книге урока жизни или утешения в тяжелую минуту. Сама внутренняя жизнь теряет права, и все сводится на нет в повседневной путанице практических интересов». И едва ли найдется теперь писатель, который повторил бы слова Шеллинга, что «нет в мире для человека более сильного и чистого удовольствия, как написать хорошую книгу». «Кому и на что нужна книга, – говорят представители издательских фирм в столице немецкого книгоиздательства, Лейпциге. – Книги теперь читают только профессора, маниаки, отшельники и находящиеся в одиночном заключении». И действительно, ежегодно в Лейпциге ликвидируются десятки книжных фирм, и встречаются склады, заваленные книгами, «как дровами». Изредка удается их сбывать за бесценок в Америку для немцев рабочих и колонистов.

Это явление присуще, конечно, не одной Германии, а и другим цивилизованным государствам. «Факт, на который указывают все учителя лицеев и профессора (во Франции) – говорит г-жа Заблудовская – это то, что молодежь почти ничего не читает и относится к книге не только с равнодушием, но и с пренебрежением». Она же цитирует французского писателя Агатона, заявляющего, что если современная французская молодежь что-либо и читает, то отдает предпочтение газете «Auto» перед журналами «Revue des deux Mondes» и скорее способна понять красоту автомобиля, чем картины или собора.

Перемена отношения читателя к книге повела к изменению отношения издателя к писателю, на что горько жалуются последние. Издатель относится ныне к писателю «равнодушно, чтобы не сказать – небрежно. Издатели часто не хотят даже выслушивать тех, кто, хотя-бы обладая почтенным именем в литературе или науке, является к ним по делам». Литературный труд в книжной области в Германию сильно понизился в цене, и 480 р. за тридцать печатных листов оригинального текста считается очень хорошим гонораром¹.

Серьезная книга, повторяем, постепенно забрасывается культурным читателем, и к ней мало обращаются читатели из простого народа.

Девять десятых грамотного люда цивилизованных государств читает почти исключительно газеты и приложения к ним. Газеты и бульварные романы, по словам г. Смирнова, составляют единственное чтение даже 95 % французов; а ведь французский рабочий считается очень интеллигентным. Он знает много и находится «в общем курсе всего мира, всей политики и культуры, – говорит русский наблюдатель парижской рабочей жизни. Но напрасно бы вы стали здесь искать тех развитых на философский манер наших одиночек, которыми нас наградила эпоха революции. Все, что знает французский рабочий, о чем он ожесточенно спорит, – все это почерпнуто им из бульварных или революционных газет; нет почти ничего, что бы он взял из большой или даже маленькой книжки. Уличная жизнь, уличная газета, уличное чтение». То же следует сказать о французском крестьянине. «Крестьянин не покупает книг. Альманахи и календари – это единственные книги, на которые иногда раскошеляется крестьянин». Зато «газету читают все, люди абсолютно всех социальных положений, всех возрастов (за исключением малолетних) и обоих полов». «Серьезная книга по общественным вопросам в Испании почти не имеет читателя... Ежедневная пресса представляет единственное чтение интеллигентных кругов». – «В Северо-Американских Соединенных Штатах, – говорит г. Тан, –

¹ «Запросы Жизни», 1911 г., № 10, с. 681; «Рус. Ведомости», 1904 г. № 200, ст. Буквы; «Северные Записки», 1913, № 5–6, стр. 253.

из книг наибольшим успехом пользуются рассказы о сыщиках и другая литература для чтения в трамваях. Зато сильно распространены газеты». По словам г. Тверского, большинство граждан С.-А. Соед. Штатов выписывают даже 2–3 периодических издания².

Итак, газета, – вот обычное и преимущественное «серьезное» чтение современного среднего человека. Что же представляет собой это главное в настоящее время блюдо духовной пищи? Кто его готовит, какие употребляет материалы, и какими целями при этом руководствуется?

Характер ответа на этот вопрос предуказывается уже тем фактом, что газета почти полностью захвачена капиталом. И прочность этого захвата кажется тем более непреложной, что он не был результатом искусственных мер с целью воздействия на общество, а явился, как естественное последствие стихийного развития капитализма, как системы личной наживы.

Господство капиталистических принципов и интересов, возникнув и первоначально организовавшись в области экономических отношений, мало-помалу распространилось затем на другие сферы и дало, наконец, себя знать в той области общественной деятельности, которая казалась наиболее самостоятельной и наименее подверженной внешнему и внутреннему порабощению – в литературе. Наше внимание обращает на себя не тот весьма естественный факт, что капиталистические интересы, наряду со всеми прочими, находят защиту и представительство в печати. Мы говорим о тенденции захвата капиталом всех органов печати, о проникновении в литературную работу приемов и принципов капиталистической продукции, о грозящем цивилизованному миру руководительстве капитала в области распространения идей и об осуществившемся уже деморализующем влиянии печати на читателя.

Соответственно тому, что в экономических отношениях капиталистический режим полнее осуществился на Западе, – и его влияние на литературу сильнее проявилось там же. А в зависимости от зрелости, так сказать, капитализма и от некоторых бытовых и исторических условий, властная рука капитала неодинаково придавила литературу во Франции и Северо-Американских Соединенных Штатах, с одной стороны, и в Германии или Англии – с другой.

В книжном деле капитал господствует пока во внешней, хозяйственной организации. Вы не можете распространить во Франции или Германии при посредстве книжных магазинов составленного вами труда, если книга, его содержащая, не будет носить марки одной из издательских фирм; но вы можете, кажется, найти издателя для труда всякого содержания, если, конечно, заплатите расходы по изданию и комиссионный процент. В книжном деле, поэтому, капитал еще не наложил руку на внутреннее содержание литературы. В газетном же деле его влияние гораздо больше.

Издание газеты требует крупного капитала и может приносить большой доход, и, вследствие этого газетное дело все больше и больше попадает в руки дельца-капиталиста. Пока газетное чтение составляло привилегию немногочисленных образованных кружков – издание газет не представляло интереса для крупного предпринимателя, и газетное дело могло оставаться в руках лиц, преследующих не столько материальные, сколько более высокие интересы. Характер коммерческий газетное дело стало приобретать преимущественно по мере того, как росли города, и образовывались новые слои населения, утратившие старые интеллектуальные и моральные устои и не успевшие приобрести определенного идейного, научного и художественного вкуса. Появление массовой городского читателя открывало возможность развития крупной газетной промышленности, а освобождение души этого читателя от традиционных моральных, интеллектуальных и эстетических вкусов и понятий деревни и старого ремесленного сословия развязывало предпринимателю руки относительно того, чем наполнять стра-

² «Периодическая печать на Западе», с. 328; «Жизнь для всех» 1910 г., № 8–9 ст. Зорина: «С парижского завода», «Запросы Жизни», 1910 г. № 10, с. 604; «Рус. Ведомости», 1912 г. 23 августа; Озеров: «Куда мы идем?», с. 61.

ницы затеваемого им издания, и как образовать потребителя новой отрасли капиталистической промышленности, наиболее отвечающего стремлению предпринимателя к личной наживе.

Попав в руки капитала, газетное издание естественно подчинилось законам капиталистической экономики. Так как единственную цель частно-хозяйственного предприятия составляет получение дохода, а сумма последнего – при прочих равных условиях – определяется размерами сбыта производимого товара, то к возможному расширению продажи газеты и направлены усилия издателя. Широкий сбыт, как известно, имеет не лучший товар, а тот, который, при низкой цене, наиболее соответствует хотя бы испорченному или неразвитому вкусу покупателей. И вот, газетный предприниматель заботится, с одной стороны, о дешевизне своего изделия, с другой – чтобы оно отвечало «вкусу, или безвкусию» (по удачному выражению одного писателя) читателя. Есть, конечно, небольшая группа читателей с чистыми политическими, художественными и интеллектуальными вкусами, и эти читатели могут иметь желаемую газету, если, впрочем, согласятся платить за нее втридорога, потому что производство в малом размере – в век господства крупной промышленности – может дать только дорогой (сравнительно) продукт. Но чистые и возвышенные вкусы встречаются не часто; в массе читателей такие вкусы должны быть воспитываемы печатью, а это не составляет задачи капиталистического предприятия, которое само приспосабливается «к безвкусию» потребителя.

Стремление к такому приспособлению в газетном деле покоится на лишнем мотиве, отсутствующем в других отраслях промышленности. Всякий товар продается по цене, превышающей издержки его производства. Это – непреложный закон капиталистического производства материальных благ. Но газетное производство избежало такого ограничения цены изделия. Цена номера газеты окупает лишь часть расходов, и тем меньшую, чем шире распространено издание. Ежедневный расход по изданию, напр., «Münchene Neueste Nachrichten», при тираже в 95 тысяч экземпляров, ценою 10 марок в год, равняется 7400 марок в день: из них только 2612 марок, или с небольшим $\frac{1}{3}$ часть, покрывается продажей газеты. Более дешевые издания не получают и такого относительного дохода от продажи газеты, и цена 5-тисантимной (11 коп.), напр., парижской газеты едва окупает стоимость бумаги. Остальная часть расходов, равно как и предпринимательская прибыль, покрывается из других источников, каковыми, по характеру данного дела, могут быть только печатаемые в газетах, в чьих-либо интересах, сообщения (объявления, рекламы, и т. д.) и статьи.

Реклама составляет теперь необходимую принадлежность всякого широкого коммерческого предприятия, и формы этого средства популяризации какого-либо «дела» постоянно разнообразятся. Простейшим средством рекламы является объявление; к нему затем присоединяется откровенное расхваливание своего товара; а венчается эта тактика привлечения потребителя печатанием статей, под видом беспристрастной оценки рекламирующего данное дело. По вполне понятным причинам последнего рода рекламы особенно уместны относительно ценностей духовного характера; а так как с течением времени эти ценности становятся предметом коммерческого оборота, подобно произведениям материальной техники, то область рекламы расширяется более и более, формы её разнообразятся, она замаскировывается и получает вследствие этого еще большее значение и достигает более существенных с коммерческой точки зрения результатов.

Но к печатным произведениям рекламирующего характера прибегают не из коммерческого только расчета. Огромное значение печати, как фактора, формирующего общественное мнение, побуждает обращаться к ней, как светлые, так и темные силы общества для внушения читателям тех или других идей, сведений и характеристик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.